

4. Стратегічне прогнозування політичних ситуацій та процесів: Монографія / за заг. ред. М.А. Лепського. – Запоріжжя: ЗНУ, 2012. – 602 с.

Маловичко Е. В. Критерии эффективности функционирования государства в системе саморегуляции социального организма страны.

Статья посвящена изучению совокупности критериев, используемых для оценки эффективности реализации самоорганизационного потенциала государства в современных условиях и разработки алгоритмов оптимизации поведения государства в условиях становления информационного единства мирового сообщества. Проанализированы те инструменты, которые обеспечивают надлежащий уровень мощности аппарата управления обществом как синергетического потенциала общества. Эффективность функционирования государства рассматривается в контексте четырех основных критериев: экономической эффективности, социальной эффективности, идеологической эффективности и организационной эффективности.

Ключевые слова: государство, социальный организм, страна, критерий, эффективность, управление.

Malovichko O. V. Efficiency criteria of state functioning in self-regulation system of country's social organism.

The article is devoted to the study of a range of efficiency criteria used to assess the self-organizational potential of the state under current conditions and develop the optimization algorithm of state behavior during the formation of the informational unity of the world community. The author analyses the means, forming the adequate level of social management apparatus which is a synergetic potential of the state, each of which is represented according to four criteria: economic efficiency, social efficiency, ideological efficiency and organizational efficiency.

Keywords: state, social organism, country, criterion, efficiency, governance.

Ходус О. В.

**ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО К ПРИВАТНОМУ: АКТУАЛЬНЫЕ
МОДАЛЬНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ**

В статье артикулированы тезисы о природе приватности в пространстве современного социума. При этом основной ракурс анализа сосредоточен на регуляции приватного в зависимости от конкретного социокультурного контекста – советского, постсоветского и западного.

Ключевые слова: приватность, публичность, регуляция приватности, степень приватности, социокультурные факторы.

Критические исследования культурной динамики современности обнаруживают проблематичность дихотомии классического дискурса в отношении приватности и публичности. Разумеется, аналитические различия смысловых измерений данных феноменов остаются, вместе с тем, основной вопрос заключается в том, как работает эта концептуальная «пара» сегодня, что представляет собой приватность как антитеза публичному? Порядок повседневности в современной культуре таков, что приватность в ее функциональных характеристиках как сфера «интимного», такого, что скрыто от посторонних глаз в личном пространстве, в индивидуальном контроле, как сфера безучастности и уединения как возможности индивида быть наедине с собой, «как укрытие, которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира – публичности, государства, ранка», так вот, так приватность весьма проблематична [1, 9-10].

Реалии обыденного опыта показывают, что каждая из перечисленных характеристик может быть легко нарушена, и не в последнюю очередь из-за тотальной медиатизации, присвоившей статус бытия и заставляющей нас «оценивать все по виду интерфейса». Характеризуя современный универсум, С. Жижек отмечает такую его черту, как «наивная вера в экран, которая обесмысливает сам вопрос о том, что находится за экраном» [2, 227]. В такой ситуации тезис одного из основателей интернета Винта Серфа о приватности как «аномалии человеческой цивилизации, которая в современных условиях может оказаться не жизнеспособной» выглядит вполне симптоматичным [3]. Схожую позицию разделяет и У. Эко, рассуждая об «утраченной укромности частной жизни», которая растворяется в публичном. У. Эко констатирует тенденцию «добровольного отказа от privacy» как «одного из главных абсурдов массового общества, основанного на засилье прессы, телевидения и интернета» [4, 156].

Таким образом, с точки зрения сегодняшних реалий, когда стремительное поглощение «внутреннего» «внешним» (так называемая «социализация приватного») деконструирует не только границы человеческой, субъективной реальности, но и все те нормы, которые определяли общий миропорядок в современном обществе, актуальность тематики приватности как востребованной «формы жизни», и в то же время, лишенной определенности, не вызывает сомнений. Очевидно, что тема приватности имеет в современном мире сложный пучок коннотации, вместе с тем в ситуации сложившегося сегодня режима «транспарентности», чувство приватности (представление о приватном, его нехватка/избыточность) обладают ярко выраженной

социокультурной, ценностно-смысловой спецификой. В этой связи, целью предлагаемой статьи является анализ особенностей современной реконфигурации традиционно признаваемой дихотомии «публичное/приватное» в аспекте повышения субъективной значимости именно частной жизни с учетом ее социокультурной локации.

Появление концепта приватности в качестве устойчивого элемента современного языкового репертуара не случайно. Активная тематизация различных ее аспектов, встречающаяся в работах Р. Сеннета, Х. Арндт, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, опосредованно отражает сущностные черты базовой аксеологической структуры современной культурной парадигмы, для описания которой З. Бауман предлагает использовать очень емкое понятие «текучей современности». Определяя суть современных процессов, Бауман утверждает, что в отличие от «твердого» модерна, в основе которого лежала вера в Общество как персонифицированную целостность (карающую, поощряющую, движущуюся к совершенной стадии), потекший модерн стал плавкой не только основных институтов общества, но и самой идеи социального [5]. Соответственно язык современной социальной теории все более переходит от рассмотрения мира в терминах общества, общностей, больших социальностей, «публичного порядка» к рассмотрению локальной природы социальной жизни. Востребованность такой интерпретационной перспективы связана с процессами вызревания новой архитектуры современного социокультурного пространства, дизайн которого просматривается не только в западном, но и в украинском социуме. Речь идет об изменении привычного (читай – современного) порядка организации общества, порядка взаимодействия, как на уровне институтов, так и на уровне индивидов, участвующих в интеракциях.

Среди черт складывающейся общественной конфигурации – изменения границ приватного/публичного. Коллизия, на наш взгляд, состоит не в том, что «публичное» утрачивает свою актуальность. Какие бы формы ни принимало в своем развитии общество, оно не устраняет, понимание публичного как цензора приватного, как его «депривации», не позволяющей опасным содержаниям приватной жизни быть доступными общественности, получить в ней свой голос. Несомненно, общество и общественность в ряде случаев остаются актуальной потребностью, но в тоже время – это не потребность современного индивида, находящегося, по выражению З. Баумана, в состоянии движения «от общности к обособленности», движения, в

ходе которого политическое, этическое, социальное оказалось приватизированным. Такой «индивидуализированный человек», возникший сегодня на месте общества, может сколько угодно защищать свои права, однако не имеет никакого доступа к управлению теми социальными условиями, которые делают эту защиту реальной или нереальной. Более того, в сознании индивидуализированного человека успешно приживается представление о его необусловленности, о том, что все – включая здоровье, безопасность, успешность – зависит только от него одного [6].

С этой точки зрения «публичное» (общественное) утратило качество истины. Референтом такого состояния современности является новый социальный типаж – общество с новой культурой приватности, где «общественное», по мнению З. Бауман, колонизируется «частным». Заметим, что «падение публичного человека» (в терминологии Р. Сеннета) суть тенденция, характерная не только для западного общества с его эрозией публичной сферы и оскудением рядов «заинтересованных граждан», но и для украинской действительности. Вместе с тем, необходимо понимать, что механизм, «запустивший» социально-приватизационный процесс на Западе, имея общую логику, в случае Украины несколько иной. «Что есть частное, а что – публичное, определяется, прежде всего, культурным дискурсом», – писал Э. Палажан и с этим утверждением можно согласиться [7, 24]. В той связи, представляется интересной реконструкция содержания феномена приватности в зависимости от конкретного социокультурного контекста (модернового/постмодернового, западного, советского, современного украинского), а также форм, в которых приватность себя презентует.

Артикуляция феномена частного/приватного возникает как предмет анализа в свете определенной топологии социального пространства модернового общества. В этой связи появление концепта «приватность» в качестве элемента языка западной культуры вообще (и политической в частности) не случайно. Уже начало XIX века отмечено высоким уровнем демаркации частного и публичного. Становление «внутреннего мира» стало возможным при одновременном формировании «отчуждающих» структур. Одним из главных составляющих этих структур стал процесс институционализации публичной сферы – формального, активного мира, включающего политику, юридические права и обязанности, рыночные институты. Вместе с тем человек получает право и на приватность как сферу индивидуального выбора, как пространство жизнедеятельности, которое он обустривает в соответствии со своими

субъективными желаниями, интересами, вкусами. Иное дело, что разграничение это далеко не однозначно. В разных социально-исторических и философских контекстах эти понятия наполняются разным содержанием: от позитивного измерения общественного в левой традиции в противовес индивидуальному как бессильному по сравнению с мощной коллективностью, мыслимой, к примеру, под знаком государства, до сомнений в жизнеспособности конструкции публичности на фоне современного индивидуализма и прагматизма. Однако, в любом случае, для западной культуры в целом приватность как нечто личное, индивидуальное в противоположность групповому, коллективному, общественному началу имеет безусловную ценность. Подобное восприятие приватности, характерное для западной культуры, находит выражение в особой ценности высокой степени автономности, обособленности, дистанцирования, видимого равнодушия в общении, самостояния во всех сферах человеческих отношений, включая традиционно интимные, семейные. Это и понятно, учитывая тот факт, что в основу системы права легло законодательное признание самостоятельности и автономности индивида и одновременно равнодушие к нему, к его «внутреннему Я», к его сокровенным помыслам, желаниям, эмоциям. Как отмечает Н. Козлова «интимно-личностное, интимно-культурное ступеньвается перед правом, отодвигается в приватную сферу» [8, 113]. Таким образом, западному человеку просто незачем принимать к сердцу то, во что он не имеет права вмешиваться, то есть понимание «Другого» в западной культуре опосредованно практически разумом-резонансом. Это появляется, например, в практиках переживания наедине своей мини-драмы (будь то развод, неразделенная любовь, несбывшиеся надежды), тогда как в нашей культуре охотнее переживается как непосредственное вхождение, вчувствование («относись к другому как к родному»). В целом, в западных обществах категориям «приватность/публичность» и обозначаемым ими явлениям приписывается разный социокультурный статус, в них действуют разные методы социального контроля и регулирования.

В нашей же культуре как пространстве разветвления и столкновения различных дискурсов (в данном случае термин «дискурс» означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения) – собственно национального, современного украинского, западного, советского – оппозиция публичного/приватного размыта, а сами полюсы ее сплошь и рядом не сформированы. Подобная неопределенность ценностного содержания публичности/приватности – следствие особой природы

ментального феномена современных украинцев. Большинство исследователей отмечает в качестве своеобразной социопсихологической константы украинцев «селянскую» психологию. Однако ей присущи черты не только «селянскости» вообще, но и «климат интимности», зауженность ментальной и поведенческой активности сферой «малых коллективов» (малой семьи, в отличие от большой «патриархальной» семьи в России, круга приятелей и т.п.). Именно в этом проявляется направленность к «внутренней жизни», которая раскрывается как «способность к товариществу, психологическому пониманию чужой душевной жизни».

Вместе с тем на формирование специфических черт украинского менталитета оказали влияние длительное вхождение украинских земель в состав разного рода государственных образований (Литовского княжества, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Османской и Российской империй) и столь же длительная борьба за самостоятельность, породившая такие ментальные качества, которые, казалось бы, противоречат друг другу. Так, «с одной стороны, квинтэссенция украинского духа – казак – вольнолюбивый индивидуалист. Эти индивидуальные начала, их индивидуалистические представления имеют свои положительные и отрицательные стороны в характере народа... С другой стороны, столетия крепостного права не могли не наложить свой отпечаток. Это рождало в массе украинского крестьянства [чувство громады], чувство взаимопомощи, поддержки и др.» [9, 51]. Речь идет о существовании не только разных ментальных типажей, но и об определенном конфликте, испытываемом украинцами на внутреннем психологическом уровне. С одной стороны – авантюрно-казацкий стиль жизни, с другой – стиль потаенного существования, порождаемый необходимостью скрывать свой внутренний мир от врагов. Если первый – источник активности, то другой принуждает к «отступничеству от себя», к жизненной философии «моя хата с краю».

Таким образом, этническая ментальность украинцев представлена ценностями индивидуализма, значимости частной реальности, что нашло соответствующее выражение и в языке – «приватне життя», «приватна власність», «приватність». В русском же языке само слово «приватность» не естественно, и проблема эта отнюдь не лингвистическая. Проблема различий русской и украинской ментальностей просматривается в разновекторной направленности в целом однородной по структуре крестьянской психики. В общественном сознании русских доминирует коллективистская

психология, в то же время украинская коллективная психика культивирует эгоцентрические тенденции на групповом и индивидуальном уровне [10]. Отсутствие в российском социокультурном контексте четкого понятия того, что по-английски называется «privacy» (как отмечалось выше, нечто приватное, интимное, сугубо личное, закрытое для посторонних) связано, прежде всего, с длительным существованием крепостного права и сельской общины. На протяжении значительной части российской истории, гражданское общество практически не существовало, было поглощено деспотическим государством или полностью подчинено ему. Никаких гарантий неприкосновенности частной/личной жизни не было. Русский человек не мог сказать о себе «Мой дом – моя крепость». Его имущество, семья и даже его собственное тело принадлежали не ему самому, а его господину. Это тормозило формирование личного самосознания и чувства собственного достоинства. Социальная незащищенность личности усугублялась жилищной теснотой и скученностью. Крестьянская община не допускала закрытости: все обо всем про всех знали, любые отклонения от общепринятого жестко контролировались и пресекались.

Это способствовало формированию особого типа коллективного сознания, получившего, в противоположность индивидуализму, название «соборности» или коммунитарности (в терминологии Н. Бердяева) Н. Бердяев писал: «Русскому народу действительно свойственна большая коммунитарность, чем народам Запада, ему мало свойственен западный индивидуализм» [11, 85]. При этом Бердяев дополняет коммунитарность еще одним свойством русских – «коммюнитарностью», что означает «несоциализированность в западном смысле» [11, 86]. Отсюда выводит Бердяев и специфически русское отношение к «собственности и воровству», определенные «не отношением к социальному институту, а отношением к человеку», и «русскую борьбу против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира» [11, 87-88]. В итоге Бердяев приходит к выводу, что «коммюнитарность» – это жажда «не столько организованного общества, сколько общности, открытости для общения» [11, 89]. В результате понимание частной жизни в российском, православном социокультурном пространстве не предполагало отождествление «индивидуального» и «частного» как отдельного от других, а напротив, соединение с другими, преодоление своей отдельности от других. Вторая важная особенность российской истории состоит в том, что становление цивилизованных форм социально-бытовой жизни, то, что известный Н. Элиас называет процессом цивилизации, здесь было

теснее, чем на Западе, связано с государственной властью. В целом статус частной жизни в России всегда был очень низким в силу традиционно, с точки зрения православной соборности, малой значимости отдельной личности, отдельного индивида. Над религиозной идеологией довлела имперская государственность, превращающая жизнь человека в сплошной долг перед государственной машиной.

В условиях советской социокультурной матрицы «privasy» вообще становится дефицитом, учитывая тотальный надзор за всеми проявлениями жизнедеятельности граждан. Так В. Воронков отмечает: «При анализе повседневной жизни советского человека мы приходим к выводу, что полноценной приватной сферы в этом обществе в течение, по крайней мере, трех сталинских десятилетий не существовало. Следствием советской жилищной политики стало то, что исчезло даже физическое пространство для приватной жизни» [12]. Опыт коммунального социализма дает массу примеров символических форм приватности, когда сама идея частного подчас была лишена пространства: перегородки, которые ничего не загораживают, индивидуальные предметы мебели в «местах общего пользования», индивидуальный звонок в коммуналке, возвещающий, однако, всем соседям «к кому пришли». При этом любая сторона жизни человека могла стать темой обсуждения «общественности» с последующим применением санкций. Согласно такой государственной установке, именно публичность выступала истинной добродетелью («никакого буржуазного индивидуализма!», «советскому человеку нечего скрывать от своих товарищей»). Всячески поощряемая государством система тотального контроля граждан друг за другом в виде практик подслушивания и подглядывания (что, в общем-то, обычно для коммунального жилья) сформировала своеобразный адаптивный индивидуализм, предполагающий индивидуальную адаптацию к системе («каждый выживает в одиночку»), мало похожий на западный. Такой человек не ориентирован на свободную жизнедеятельность, его поведение сочетает социальную пассивность и конформизм, низкую способность к самоограничениям во имя группового интереса. Это разрушительный, негативный индивидуализм, освобожденный от всяческих обязательств перед социумом. Такой негативизм в отношении другого (человека, социальной группы, государства), прямое следствие неразвитости системы институтов и прав гражданского общества.

Естественно, что в таком контексте понимание приватности имело свои особенности. Как отмечает Е. Мещеркина, это вовсе не означало,

что частного нет, имела место конструкция «частного без приватности», такая себе жизнь на людях или «публичная приватность» [13]. Требования усредненности, стратегия личност не выделенности, не предполагали индивидуализации в значении права быть собой, воспринимать свои действия как часть собственной жизни, напротив – «не высывайся, будь как все».

Таким образом, долгое время в советском обществе граница между приватной и публичной жизнью была достаточно прозрачной. Однако начиная с хрущевской «оттепели», со времени строительства массового дешевого жилья для населения, приватность получает право на легитимное существование. Вместе с тем такая приватность имела свою специфику, которая продолжает доминировать и в практиках современных украинцев. Заметим, что Украина находится сейчас в состоянии «дрейфа» от культуры, ни во что не ставящей частную жизнь, к культуре, которая опирается на приватность как на фундаментальную ценность. При этом если рассматривать приватность как механизм, регулирующий взаимоотношения индивида и общества, призванный скорректировать давление общества на отдельного человека, то становится понятным, почему «советская» приватность выражала и продолжает выражать себя в построении, прежде всего физических границ – сначала перегородки и заборы.

Сегодня это претензии на приватность в пространствах, которые формально таковыми не являются: лифты, парковки, подъезды, автостоянки, «vip»-залы в ресторанах, тонированные стекла машин и т.д. Ценой утраты конфиденциальности частной жизни человек идет на сознательную установку камер слежения, например, в своей квартире, тем самым он как бы противопоставляется окружающему его «враждебному» миру.

То есть современные украинцы продолжают воспринимать приватность в традиционном (читай – советском) смысле как уровень сокрытия чего-либо, прежде всего от властей. С другой стороны, при наличии такого острого социального расслоения, как в Украине, интерес к сфере частной жизни становится предметом раздражения у состоятельных граждан, поскольку их приватность неразрывно связана с истоками их собственности, с секретами личного успеха. У низкодоходных групп – это повод для унижения, так как их нищета создает достаточно уродливые картины их частной сферы. Вместе с тем приватность в речевых актах (языке), то есть с точки зрения тем, имеющих высокий уровень табуирования в западной культуре (например, интимные и личные взаимоотношения, деньги, вредные привычки, религия, здоровье) – в культуре нашего общества

практически не представлена (подобные темы, хотя и не корректны, но вполне допустимы). Примечательно, при этом, что люди в Украине не страдают от посягательств государства и общества на приватность в значении пространства личной свободы, напротив, они удовлетворены степенью своей личной свободы (очевидно, понимая ее в значении вседозволенности, а не ответственности).

Таким образом, смысловое содержание феномена приватности, ее эстетика для современного украинца – это следствие «зависимости от пройденного пути», следствие причудливого сочетания как элементов этнокультурного наследия, так и элементов культурной матрицы, сформировавшей Homo soveticus. Современные украинские реалии свидетельствуют, что приватная сфера все так же не является приватной в нормативном ее понимании, поскольку порядок повседневности в современной культуре таков, что каждая из характеристик приватности – скрытость от посторонних глаз, индивидуализированный контроль над личным пространством – может быть нарушена. Таким образом, для нашего человека моделирование физических границ приватности, пожалуй, остается единственной реальной возможностью осуществить свою автономию и свободу в той сфере, которую принято называть частной. Более того, легитимация приватной сферы в Украине не привела к изменению ее эстетики. Современные реалии демонстрируют очевидное отсутствие в современном социокультурном пространстве нашего общества подлинного уважения к приватности как ценности, основанного на морали индивидуализма и культуре доверия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслова Е.* Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда / Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкина // Новый быт в современной России. Гендерные исследования повседневности. – СПб : ЕУСПб, 2009. – 319 с.
2. *Жижек С.* Чума фантазий / пер. с англ. – Х. : Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. – 388 с.
3. *Золотарев Е.* Если приватность – аномалия, сможем ли ее отстоять? [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/88723/privacy-is-anomaly>. – Заголовок с экрана.
4. *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М. : Эксмо, 2007. – 592 с.
5. *Бауман З.* Текучая современность . – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
6. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2002.

7. Ретина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессметного. – М. : РГГУ. – 376 с.
8. Козлова Н. Социально-историческая антропология. – М. : Ключ, 1998. – 213 с.
9. Кульчицький О. Світовідчуття українця // Українська душа: збірник наукових праць / Ред. В. Храмова. – К. : МП Фенікс, 1992. – 128 с.
10. Донченко Е. Социетальная психика. – К. : Наукова думка, 1994. – 207 с.
11. Бердяев Н. Русская идея. – М. : АСТ, 2007. – 288 с.
12. Воронков В. Советская общественность в эпоху перестройки (1985-1991) [Электронный документ]. – Режим доступа: http://www.dhi-moskau.de/fileadmin/pdf/Publikation/DHIM-Bulletin_5.pdf. – Заглавие с экрана.
13. Мещеркина Е. Ю. Частная жизнь как предмет социологического анализа [Электронный документ]. – Режим доступа: http://demoskope.ru/weekly/knigi/konfer/ konfer_018.html. – Заглавие с экрана.

Ходус О. В. Від суспільного до приватного: актуальні модальності соціокультурного буття.

У статті висловлено тези про природу приватності у просторі сучасного соціуму. При цьому основний ракурс аналізу зосереджено на регуляції «приватного» залежно від конкретного соціокультурного контексту – радянського, пострадянського та західного.

Ключові слова: приватність, публічність, регуляція приватності, ступінь приватності, соціокультурні фактори.

Khodus O. V. From public to private: actual modality of sociocultural existence.

The article deals with the nature of privacy in modern society. The analysis mainly focuses on regulation of “private” depending on particular sociocultural context – Soviet, post-Soviet and Western.

Keywords: privacy, publicity, privacy regulation, privacy level, social and cultural factors.